

3. Мёртвая вода

В «Литературной газете» (№14, 2004) в обзорной статье «Гадание по парадигме» её автор Нина Ширяева, анализируя содержание «Нового мира» (№3, 2004), в частности, пишет: «В разделе «Литературная критика» – весьма разумная статья И. Васильковой о поэзии С. Кековой. Впрочем, и она крутится, не решаясь сказать безоглядную правду о участниках своей же тусовки: «А король-то голый!» Что ж, дайте срок, ещё скажут».

Что касается меня, то я по поводу стихов С. Кековой эту «безоглядную правду» сказала ещё год назад в своей статье «Сон катится золотой...» («По горячим следам», 2003). Но пресловутое «платье голого короля» в поэзии бессмертно.

Помню, после выхода этой моей статьи многие в Саратове были в шоке. И.М. Корнилов передал мне слова Е. Мартыновой, прочитавшей её первой: «Вот если бы кто-нибудь из Москвы такое написал – тогда другое дело». Вот приедет барин – барин нас рассудит. А нам самим – «не должно сметь своё суждение иметь». Мы люди маленькие, не нам судить корифеев. Так примерно рассуждали и думали местные критики и поэты. Но вот очередь дошла и до Москвы, и неизвестная мне Ирина Василькова в своей статье, можно сказать, озвучила мои мысли, озвученные мною ещё до нее. (Слава богу, что мне удалось их опубликовать раньше, а то Мартынова сотоварищи опять обвинила бы меня в «плагиате»). Если отделить их от осторожных оговорок, дипломатических экивоков и реверансов, которых требует высокий «сан» всероссийски признанной «королевы» поэзии, то получится следующий текст (желающие могут сравнить его с моим и удостовериться в идентичности и сходстве многих постулатов):

«...вместо поэтической дрожи – суровое, даже какое-то педагогическое морализаторство, вместо поэтической интуиции – застывшая парадигма, вместо живой воды – мёртвая... Даже пятистопные анапесты теперь уже просто убаюкивают, став доминирующими сверх меры. Кто-то из знакомых поэтов откомментировал последнюю подборку в «Знамени» так: «вышивание узоров по православной канве»... Становится заметно, что автор обдумывает каждый шаг, стараясь быть смиреннее и осторожнее, избежать запретного, лишнего, – но получается искусственной, суше. Обилие общих мест, вполне канонических, вынуждает отказаться от индивидуальности, от живого человеческого опыта. «Всё так же пуст пейзаж души, и тёмный путь её опасен» – что это? Я не литературный критик, не богослов, я просто читатель, и мне не то чтобы скучно стало – но уж слишком пряма эта дорога, нет в ней неожиданности, тех самых неисповедимых путей Господних... Как в театре теней, проходят одни и те же резко очерченные образы – ангелы, вода, рыбы, сети – но их формы не наполнены осознанным индивидуальным чувственным опытом, что сплошь и рядом приводит к появлению штампов и сентиментальных красотей... Стихи интонационно не убеждают, потому что в них нет дрожи, огня, ушла энергия.

«Теплохладность» не заражает...

Бесполость, бесплотность... Обескровленность – в ней ли свет? Иногда вздрагиваешь – так похоже на сувенирный киоск, когда ангелы опускают «на грудь среднерусских равнин вологодское кружево снега». Или такое: «ангел жив над кремлёвской стеною...» «...учительное красноречие» убеждает, увы, меньше, чем обнажённый нерв. Нет эмоций – нет напора, уходит та самая «энергетика».

Примерно то же, только в других выражениях писала о поэзии С. Кековой и я. Но только в своём отечестве, как известно, пророков не бывает, и наша писательско-критическая братия статью эту старательно «проигнорировала», за исключением отдельных случаев возмущений («как дерзнула?»). А вот Лариса Миллер, прочтя её (я послала ей книжку), позвонила мне из Москвы, и первые её слова были: «Вы написали о Кековой и Шварц то, что я сама хотела написать, но не решалась. Я думала, это только я её не воспринимаю. У меня такое ощущение, что ей нечего сказать. Какая Вы молодец, что написали это. Какая независимость суждений...»

Впрочем, и до меня Наталья Иванова в статье «Циклотимия. Жертвенник сердца» («Арион», №2, 2002) писала о «монотонности» стихов Кековой и отмечала в качестве другой «опасности» – её «старательность», приводя примеры тщательно выверенных созвучий. Искусственность, заданность, конструктивность, словесный камуфляж и невнятица – вот что, на мой взгляд, отличает подобное элитарное узкосалонное творчество почитаемых, но не читаемых поэтов, которое тлеет в кастовом мирке своих избранных ценителей. У А. Кушнера есть такие строки:

Есть неуступчивая косность,
неустраняемая тоска...
Что перед нею виртуозность?
Кому нужна она? строка
в бугры сбивается и складки,
всё как в запёкшейся крови,
и не стыдится, как в припадке,
ни слабой рифмы, ни любви.

Грибоедов писал: «Знаю, что всякое ремесло имеет свои хитрости, но чем их менее, тем спорее дело, и не лучше ли вовсе без хитростей? Я как живу, так и пишу, свободно и свободно» (из письма П. Катенину от февраля 1825 г.).

Меня привлекают и трогают стихи, которые берут свой интонационный рисунок не в какой-то особой поэтической сфере, а в живой человеческой речи.

Вот бреду я вдоль большой дороги,
в тихом свете гаснущего дня.
Тяжело мне, замирают ноги.
Друг мой милый, видишь ли меня?

И всё становится на свои места, и не нужна никакая виртуозность, никакие стиховые новшества – вот последняя правда о жизни, самая печальная и неотразимая в своей безыскусности.